

Юрист-Правоведъ. 2023. № 3(106). С. 186–192.
Jurist-Pravoved. 2023. № 3(106). Pp. 186–192.

Научная статья

УДК 343.141

ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ГЕНЕЗИС ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
s.rossinskiy@gmail.com

Введение: статья посвящена исследованию развития доктринальных представлений об иных документах как о средствах доказывания в уголовном судопроизводстве, а также современным проблемам, возникающим в их правовом регулировании.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались дореволюционные, советские и современные научные публикации, посвященные проблемам уголовно-процессуального доказывания, положения дореволюционного, раннесоветского, позднесоветского и российского уголовно-процессуального законодательства. Методологическую основу статьи составили общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования.

Результаты исследования: в статье выявляется правовая неопределенность иных документов, под которыми, с одной стороны, понимаются предусмотренные п. 6 ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ документы-доказательства, т. е. средства уголовно-процессуального доказывания, а с другой – прочие объекты уголовно-процессуального регулирования, предполагающие документальную форму фиксации содержащихся в них сведений: документы, подлежащие предъявлению для ознакомлению защитнику, процессуальные обращения в органы предварительного расследования, прокуратуру, суд и т. д.

Выводы и заключения: в этой связи для наименования документов-доказательств в оборот уголовно-процессуальной доктрины и предмет уголовно-процессуального регулирования предлагается ввести новый термин. По мнению автора это позволит повысить правовую определенность целого ряда положений уголовно-процессуального закона и, как следствие, их надлежащее понимание практическими работниками, студентами, курсантами и другими лицами, постигающими теорию и практику уголовного судопроизводства в целом и доказывания в частности.

Ключевые слова: доказательства, документы, иные документы, источники доказательств, письменные доказательства, правовая неопределенность, средства доказывания, уголовно-процессуальные документы.

Для цитирования: Россинский С. Б. Иные документы в уголовном судопроизводстве: генезис доктринальных представлений и современные проблемы законодательной регламентации / С. Б. Россинский // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 3(106). – С. 186–192.

Original paper

OTHER DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE GENESIS OF DOCTRINAL VIEWS AND MODERN PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

Rossinsky Sergey Borisovich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the study of the development of doctrinal ideas about other documents as a means of proof in criminal proceedings, as well as modern problems arising in their legal regulation.

Materials and methods: in preparing the article, pre-revolutionary, Soviet and modern scientific publications were used, devoted to the problems of criminal procedural proof, the provisions of pre-revolutionary, early Soviet, late Soviet and Russian criminal procedural legislation. The methodological basis of the article was made up of general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and particular scientific (formal-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods.

Results of the study: the article reveals the legal uncertainty of other documents, which, on the one hand, are understood as provided for in paragraph 6 of part 2 of Art. 74 and Art. 84 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, documents-evidence, i.e., means of criminal procedural proof, and on the other hand, other objects of criminal procedural regulation, involving a documentary form of fixing the information contained in them: documents to be presented for familiarization to the defense counsel, procedural appeals to the bodies of preliminary investigation, prosecutor's office, court, etc.

Findings and conclusions: in this regard, it is proposed to introduce a new term to name documents-evidence in the circulation of the criminal procedure doctrine and the subject of criminal procedure regulation. According to the author, this will improve the legal certainty of a number of provisions of the criminal procedure law and, as a result, their proper understanding by practitioners, students, cadets and other persons who comprehend the theory and practice of criminal proceedings in general and evidence in particular.

Keywords: evidence, documents, other documents, sources of evidence, written evidence, legal uncertainty, means of proof, criminal procedure documents.

For citation: Rossinsky S. B. Other documents in criminal proceedings: the genesis of doctrinal views and modern problems of legislative regulation / S. B. Rossinsky // *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2023. № 3(106).* – Pp. 186–192.

Документы (от лат. *documentum* – свидетельство, образец, доказательство) – это одни из самых известных и часто используемых средств уголовно-процессуального доказывания. Их неопределимая роль в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обосновании правоприменительных решений обуславливается распространенностью подобных объектов в любом цивилизованном обществе, в том числе в подавляющем большинстве правоотношений, попадающих в предмет следственного и судебного познания. Ведь в силу понятных причин человечество всегда с самых древних времен остро нуждалось в информационной обеспеченности, в связи с чем прибегало к различным, соответствующим определенному историческому периоду, формам, методам, прикладным технологиям фиксации, хранения, передачи и восприятия полезных сведений: от мимики, жестикуляции, произнесения примитивных звуков до самых современных, высокотехнологических способов коммуникации. Однако именно изобретение письменности, предопределившей появление документов и документооборота, стало важнейшей реперной точкой в развитии социальных процессов в целом и механизмов когнитивного взаимодействия индивидов в частности. Даже в условиях стремительного научно-технического прогресса, возникновения целого ряда альтернативных способов информационного обеспечения личных и общественных потребностей документы не только не утратили своего прежнего значения, а, напротив, приобрели новые формы и получили новый потенциал для продуктивного решения различных задач в самых разных сферах жизнедеятельности – в настоящее время стали активно использоваться видеодокументы, электронные документы, письменные документы в цифровой форме и другие высокотехнологичные источники информации. Причем наибольшим распространением документов традиционно характеризуется правовая сфера – именно в них отражаются результаты правотворческой деятельности и правоприменительной практики, удостоверяются различные правоотношения и юридические факты, фиксируются другие имеющие правовое значение обстоятельства и т. д.

В качестве средств доказывания по судебным, в том числе уголовным, делам документы стали использоваться, начиная с глубокой древности. Поэтому неудивительно, что связанные с ними проблемы уже неоднократно привлекали внимание специалистов и становились предметом доктринальных изысканий. В частности, российские ученые начали затрагивать эти вопросы в своих публикациях еще в дореволюционный период, в особенности после введения в действие Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (УУС), вызвавшего общий всплеск научной активности в сфере уголовной юстиции.

Правда, дореволюционные авторы преимущественно не признавали документы (в терминологии тех лет – письменные доказательства) как самостоятельную группу средств доказывания – либо считали их не более чем специфической разновидностью вещественных доказательств [13, с. 505]; [21, с. 201]; [22, с. 211]; [24, с. 112], либо утверждали о невозможности проведения четкой грани между этими объектами процессуального познания (между письменными и вещественными доказательствами) [2, с. 187]. По всей вероятности, подобные позиции во многом обуславливались недостаточной четкостью правового регулирования письменных доказательств – законодатель упоминал их лишь дважды, причем оба раза как бы вскользь и совместно с вещественными доказательствами (ст. 368, 725 УУС). Поэтому только некоторые русские ученые высказывали более прогрессивные для своего

времени позиции – рассматривали письменные доказательства в качестве обособленных, имеющих собственное предназначение объектов уголовно-процессуального регулирования, то есть как бы подразумевали значительно большую автономность указанных средств доказывания [3, с. 406–412]; [9, с. 119]; [10, с. 544].

Резкое усиление таких позиций произошло уже в раннесоветский период развития уголовно-процессуальной доктрины и было связано с более четкой нормативной регламентацией документов в «пробном» Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. (УПК РСФСР 1922 г.) и принятом менее чем через год «обновленном» Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. (УПК РСФСР 1923 г.). В соответствии с положениями этих законодательных актов документы заняли свое место во впервые установленном перечне пригодных к использованию доказательств, а порядок их собирания, хранения и рассмотрения стал привязан к требованиям уголовно-процессуальной формы (ст. 62, 63 УПК РСФСР 1922 г.; ст. 58, 59 УПК РСФСР 1923 г.). Хотя, справедливости ради, нельзя не обратить внимания, что указанный перечень – «показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого» – был сформулирован в редакции, еще не вполне predisposed к толкованию документов как строго определенной разновидности доказательств.

Подобные правотворческие новации были практически сразу поддержаны рядом ученых [8, с. 146]; [12, с. 54–55]; [15, с. 87], в связи с чем в советской доктрине возникло и постепенно начало развиваться новое направление, связанное с исследованием документов-доказательств в уголовном судопроизводстве. Правда первоначально с таким подходом согласились далеко не все авторы; в частности, некоторые из них по-прежнему рассматривали письменные документы не в качестве самостоятельных средств доказывания, а как особую разновидность вещественных доказательств [5, с. 199–200]; [20, с. 122]. Кстати, во многом подобные позиции обуславливались незавершенностью ряда нормативных конструкций, что в очередной раз приводило к неясности и неопределенности заложенного в них смысла [27, с. 325]. Например, вещественными доказательствами помимо прочего признавались любые предметы и документы (!), способствующие обнаружению преступления и установлению (в терминологии тех лет – открытию) виновных (ст. 66 УПК РСФСР 1923 г.).

Новый этап доктринальных представлений о документах-доказательствах был обусловлен принятием Основ уголовного судопроизводства ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих уголовно-процессуальных кодексов, в частности Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (УПК РСФСР 1960 г.). Указанные законодательные акты предполагали гораздо большую определенность в понимании документов как самостоятельной разновидности средств уголовно-процессуального доказывания. В частности, возникли более приемлемые для соответствующего толкования редакции общесоюзной и республиканской правовых норм, устанавливающих единый перечень доказательств (ч. 2 ст. 16 Основ, ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г.), были введены специальные положения, предусматривающие дефиницию документов-доказательств (ч. 1 ст. 88 УПК РФ 1960 г.) и критерии их отграничения от вещественных доказательств (ч. 2 ст. 88 УПК РСФСР 1960 г.), появился некий механизм приобщения судом представленных документов к уголовному делу (ст. 292 УПК РСФСР 1960 г.) и т. д.

Указанные нормативные новеллы закономерно вызвали новый всплеск научной активности в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования. В период действия позднесоветского уголовно-процессуального законодательства появился целый ряд научных публикаций, авторы которых уже изначально отталкивались от неоспоримости признания документов отдельным видом доказательств, не подвергали данный доктринальный постулат никакому сомнению и понимали под ними (документами) некие носители информации, отражающие материально-фиксированные сообщения, способствующие установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. А некоторые фрагментарные различия в предлагаемых позициях и связанные с ними частные дискуссии детерминировались не более чем незначительной вариативностью взглядов на освещаемые проблемы. Например, С.П. Голубятников акцентировал внимание на общедоступности содержащихся в документах обозначений [7, с. 5], А.Н. Копьева указывала на возможность исследования документов посредством внешнего обозрения [14, с. 6], Л.М. Карнеева и И. Кертэс писали об изначальной обусловленности документальных сведений человеческим сознанием [11, с. 98] и т. д. Кроме того, ввиду наблюдавшегося во второй половине XX в. распространения различных технических средств и способов запечатления информации в целом ряде публикаций документами все чаще стали признаваться не только письменные, а самые разные, в том числе небумажные, источники полезных сведений, выраженных в виде любых семантических знаков, символов, других

частиц естественного либо искусственного языка [1, с. 61] либо изображений, аудиосигналов, кинокадров и т.п. [6, с. 39]; [17, с. 134]; [19, с. 5].

В итоге, благодаря множеству научных усилий в национальной доктрине постепенно устоялся хорошо известный, по сути, уже ставший «классическим» подход к пониманию документов-доказательств как самостоятельной, обладающей собственным характером разновидности средств доказывания. Позднее этот подход вполне ожидаемо нашел отражение в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) – законодатель предусмотрел так называемые иные документы, которые предписал допускать в качестве доказательств в случаях предрасположенности содержащихся в них сведений к использованию для установления подлежащих доказыванию обстоятельств (ч. 1 ст. 84 УПК РФ); одновременно была легализована возможность признания документами как письменных, так и других носителей полезной информации, в том числе материалов фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи (ч. 2 ст. 84 УПК РФ). Поэтому указанный подход к пониманию документов-доказательств остался присущ и современным научным публикациям, увидевшим свет уже после введения в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ [4, с. 60–61]; [18, с. 162]; [23, с. 35]; [25, с. 121–122].

Тем более, что на сегодняшний день подобные средства доказывания не только не утратили своей процессуальной роли, а, напротив, приобрели еще большее значение. В частности, они оказались весьма востребованными для отстаивания своих интересов обвиняемым (подозреваемым), защитником, потерпевшим и другими невластными субъектами уголовного судопроизводства, для которых представление различных документов стало одной из немногих процессуальных возможностей активного участия в доказывании. Кроме того, документы-доказательства возымели особое значение для установления обстоятельств весьма распространенных в настоящее время преступлений в сфере экономической деятельности, преступлений экстремистской направленности, преступлений, преступлений против общественной безопасности и т. д.

Вместе с тем, несмотря на столь важную роль и активное использование документов-доказательств в правоприменительной практике, многие связанные с ними вопросы еще не получили надлежащего доктринального освещения, что оказывает достаточно негативное влияние на качество уголовно-процессуального закона [26, с. 4] и приводит к целому ряду ошибок и трудностей, возникающих в повседневной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры, суда и, тем более, в ходе участия в доказывании непрофессиональных субъектов.

В первую очередь совершенно непригодным для работы, представляется само легальное наименование подобных средств доказывания – «иные документы». Ведь вполне очевидно, что нормативное использование термина «иные», изначально предполагающего достаточно пространственный смысл и подлежащего применению в значениях «другие», «прочие», «остальные», «отличающиеся от чего-то конкретного», не сулит никакой определенности, а, напротив, приводит лишь к изрядным осложнениям в надлежащем толковании соответствующих положений и затрудняет понимание вытекающих из них посылов. Тем более что законодатель вообще совершенно бесцеремонно оперирует данным термином, многократно употребляя его в абсолютно разных значениях. По наблюдениям М.Г. Марфицина по состоянию на 2019 г. слово «иные» упоминалось в тексте УПК РФ 260 раз [16, с. 96]. В ходе собственных подсчетов автора настоящей статьи, проведенных в отношении действующей редакции Кодекса были получены несколько более внушительные результаты – 424 раза, причем в контекстах, подразумевающих самую разнообразную смысловую нагрузку.

В этой связи возникает целый ряд вопросов, многие из которых так или иначе затрагивают порядок работы с документами-доказательствами. Например, каким образом надлежит понимать содержание нормы, позволяющей защитнику помимо прочего знакомиться с «...иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому» (п. 6 ч. 1. ст. 53 УПК РФ): как возможность изучения любых документов, подлежащих предъявлению его доверителю, или только документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ? Каким образом, следует толковать право защитника собирать доказательства путем «истребования справок, характеристик, иных документов...» (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ): как возможность получения неких странных справок и характеристик, непригодных по неизвестной причине к признанию иными документами в соответствии со ст. 84 УПК РФ, или как дозволение получать любые объекты документально характера, включая самые обыкновенные справки и характеристики? Как толковать обязанность суда или одной из сторон оглашать приобщенные к уголовному делу иные документы (ч. 2 ст. 285 УПК РФ): как предписание знакомить участников судебного заседания со всеми письменными материалами уголовного дела, в том числе с заключением специалиста и результатами

оперативно-розыскной деятельности, или как необходимость доводить до присутствующих лишь содержание материалов, подпадающих под требования ст. 84 УПК РФ? Что подразумевается под иным документом, подлежащим направлению адресату в установленный срок (ч. 1 ст. 129 УПК РФ)?

Причины возникновения подобной неопределенности вполне очевидны – они в очередной раз связаны с неспособностью или нежеланием законодателя, а если быть точнее – разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ, более профессионально, по крайней мере, внимательно, подойти к выполнению своей ответственной миссии. Ведь в содержание ч. 2 ст. 74 УПК РФ были практически бездумно перенесены многие фрагменты действовавшей ранее ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г., которая характеризовалась высокой степенью преемственности по отношению к ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. При этом никто не обратил внимания, что в «первоисточнике» (в УПК РСФСР 1923 г.) употребленный по отношению к письменным документам термин «иные» был использован в совершенно другом и гораздо более подходящем контексте. Как отмечалось выше, указанная норма вообще не была предрасположена к однозначному восприятию документов в качестве строго определенной разновидности доказательств – по смыслу закона под ними скорее надлежало понимать именно все прочие помимо заключений эксперта и протоколов осмотра письменные материалы уголовного дела, содержащие полезные для доказывания сведения, в том числе протоколы обыска, других следственных действий и т. д. Даже положение позднесоветского уголовно-процессуального законодательства, уже будучи гораздо более склонными к подобному толкованию документов, не характеризовались столь легкомысленным обращением с термином «иные» – это слово использовалось лишь в ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г., устанавливающей общий перечень источников доказательств, тогда как раскрывающая сущность данных средств доказывания ст. 88 УПК РСФСР 1960 г. называлась просто «документы». И только авторы действующего Кодекса, не удосужившись хотя бы сопоставить предлагаемые ими различные нормативные конструкции со словосочетанием «иные документы», тем более, постараться спрогнозировать возможные негативные последствия подобной правотворческой эклектики, использовали его как для наименования предусмотренной п. 6 ч. 2 ст. 74 и 84 УПК РФ строго определенной группы средств доказывания, так и в отношении многих других объектов уголовно-процессуального регулирования, что, в конечном счете, и привело к существующей неопределенности и вопросам, возникающим при толковании целого ряда положений закона.

Конечно, многие из возникающих в этой части вопросов уже давно урегулированы правоприменительной практикой и не предполагают особых затруднений в повседневной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры и суда. Все всяких сомнений, любому более или менее опытному представителю уголовной юстиции должно быть хорошо известно, что защитнику дозволено знакомиться со всеми подлежащими предъявлению доверителю материалами, что никаких «особых», не подпадающих под диспозицию ст. 84 УПК РФ справок и характеристик не существует, что в ходе судебного следствия надлежит оглашать все приобщенные к делу письменные доказательства, включая протоколы, заключения специалиста и результаты оперативно-розыскной деятельности, что установленный ч. 1 ст. 129 УПК РФ срок касается лишь направления различных процессуальных «прошений» и т. д. Однако для начинающих «пользователей» уголовно-процессуального закона, в первую очередь лиц, лишенных возможности обратиться к опытным наставникам, эти вопросы подчас становятся достаточно серьезными препятствиями в должном осуществлении своих их полномочий, реализации прав или исполнении обязанностей. Кроме того, наблюдаются изрядные трудности, возникающие у любых, в особенности молодых, преподавателей уголовно-процессуального права – при освещении данных вопросов в учебно-методической литературе и их донесении до «аудитории», а также у студентов – при усвоении соответствующего материала.

Поэтому в прежних публикациях автора настоящей статьи нередко использовался специальный прием речевой акцентуации: при освещении либо упоминании предусмотренных ст. 84 УПК РФ иных документов термин «иные» преднамеренно помещался в кавычки. Таким способом подчеркивалось, что данное прилагательное употреблялось не в значениях «другие», «остальные», «прочие», а как фрагмент наименования строго определенных объектов уголовно-процессуального регулирования.

Вместе с тем возможность использования кавычек имеет известные границы. Подобные грамматические конструкции приемлемы лишь для доктринальных источников (учебников, учебных пособий, научных монографий, статей и т. д.), и лишь с условием обязательности соответствующих пояснений, например в виде подстрочных сносок. Тогда как официальный стиль нормативных актов, в частности Уголовно-процессуального кодекса РФ, никаких

закавыченных терминов предполагать не может, разве что за исключением употребления отдельных идеонимов (например, п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), фрагментов прямой речи (например, ч. 1, 2 ст. 332 УПК РФ), бланкетных упоминаний других нормативных актов (ч. 3 ст. 140 УПК РФ) и прочих формулировок, не противоречащих правилам юридической техники.

В этой связи в настоящее время ощущается объективная потребность во введении в оборот уголовно-процессуальной доктрины и предмет уголовно-процессуального регулирования нового, еще не «занятого», а «свежего» термина, подлежащего применению исключительно в отношении документов как самостоятельных, предусмотренных ст. 84 УПК РФ средств установления, имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, и обоснования правоприменительных решений. Его употребление позволит повысить правовую определенность целого ряда положений уголовно-процессуального закона, и как следствие, их надлежащее понимание практическими работниками, студентами, курсантами и другими лицами, постигающими теорию и практику уголовного судопроизводства в целом и доказывания в частности.

Подобный шаг не позволит полностью разрешить все связанные с иными документами проблемы, в частности устранить, по крайней мере минимизировать, трудности и ошибки, наблюдаемые в этом сегменте правоприменительной практики. При всей необходимости такая новация должна стать лишь первым шагом на пути к оптимизации режима работы с подобными средствами доказывания. Тогда как в дальнейшем потребуются проведение еще целого ряда научных изысканий, направленных на своеобразную доктринальную ревизию иных документов, на выработку понятных критериев для их отграничения от других доказательств, в первую очередь от вещественных доказательств и результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти, на создание универсального механизма их приобщения к уголовному делу и т. д. Этим вопросам автор настоящей статьи планирует посвятить свои последующие публикации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
2. Викторовский С.М. Русский уголовный процесс. М., 1912.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
4. Воынская О.В., Шаров Д.В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М., 2009.
5. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
6. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. М., 1967.
7. Голубятников С.П. Учетные документы как доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965.
8. Громов В.Л. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей. М., 1926.
9. Духовской М.В. Из лекций по уголовному процессу. М., 1895.
10. Жижиленко А.А. Подлог документов: историко-догматическое исследование. СПб., 1900.
11. Карнеева Л.М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М., 1985.
12. Карницкий Д.А., Строгович М.С. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Текст и постатейный комментарий. М., 1925.
13. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании, предварительном расследовании преступлений. СПб., 1869. Т. 3.
14. Копьева А.Н. Документы как доказательства в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969.
15. Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде. М., 1924.
16. Марфицин П.Г. Термин «иные» в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2.
17. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. 3-е изд. М., 1970.
18. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.
19. Пинхасов Б.И. Использование документов в доказывании. Ташкент, 1977.
20. Познышев С.В. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929.
21. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914.
22. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. М., 2014.

23. Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М., 2003.
24. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1891. Т. 2.
25. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учебное пособие. М., 2008.
26. Царёва Н.П. Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
27. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.

REFERENCES

1. Belkin R.S. Forensic Encyclopedia. Moscow, 2000.
2. Viktorovsky S.M. Russian criminal process. Moscow, 1912.
3. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. Tula, 2000.
4. Volynskaya O.V., Sharov D.V. Evidence and proof in criminal proceedings: a textbook. Moscow, 2009.
5. Vyshinsky A.Ya. The theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow, 1941.
6. Galkin V.M. Means of proof in criminal proceedings. Moscow, 1967.
7. Golubyatnikov S.P. Accounting documents as evidence in the investigation of theft of state and public property: author. dis. of cand. legal Sciences. Moscow, 1965.
8. Gromov V.L. Inquiry and preliminary investigation. Theory and technique of crime investigation: a guide for bodies of inquiry and people's investigators. Moscow, 1926.
9. Dukhovskoy M.V. From lectures on criminal procedure. Moscow, 1895.
10. Zhizhilenko A.A. Forgery of documents: a historical and dogmatic study. St. Petersburg, 1900.
11. Karneeva L.M., Kertes I. Sources of evidence for Soviet and Hungarian legislation. Moscow, 1985.
12. Karnitsky D.A., Strogovich M.S. Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Text and article commentary. Moscow, 1925.
13. Kvachevsky A.A. On criminal prosecution, inquiry, preliminary investigation of crimes. St. Petersburg, 1869. Vol. 3.
14. Kop'eva A.N. Documents as evidence in the Soviet criminal process: author. dis. of cand. legal Sciences. Moscow, 1969.
15. Lyublinsky P.I. Evidence in criminal court. Moscow, 1924.
16. Marfitsin P.G. The term «others» in the criminal procedure legislation // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2019. № 2.
17. Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the RSFSR / ed. by L.N. Smirnova. 3rd ed. Moscow, 1970.
18. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2009.
19. Pinkhasov B.I. The use of documents in evidence. Tashkent, 1977.
20. Poznyshev S.V. Evidence in criminal proceedings. Moscow, 1929.
21. Rozin N.N. Criminal litigation. St. Petersburg, 1914.
22. Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal procedure. Litigation. Moscow, 2014.
23. Soloviev A.B. Evidence under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (pre-trial stages). Moscow, 2003.
24. Talberg D.G. Russian criminal justice. Kyiv, 1891. Vol. 2.
25. Ulyanova L.T. The subject of proof and evidence in the criminal process of Russia: a study guide. Moscow, 2008.
26. Tsareva N.P. Other documents admitted as evidence under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: dis. of cand. of legal Sciences. Saratov, 2003.
27. Cheltsov M.A. Criminal process. Moscow, 1948.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.